

Владимир Войнович

ДВА ТОВАРИЩА

Владимир Николаевич Войнович
Мы здесь живем

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163914
Два товарища: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-20039-8*

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	15
6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Войнович

Мы здесь живем

Было раннее утро, и трава, облитая обильной росой, казалась черной. Слабый ветер шевелил над Ишимом тяжелые клубы тумана.

Ваня-дурачок гнал через мост колхозное стадо и пел песенку. Губы у Ивана толстые, раздвигаются с трудом, поэтому в песенке нельзя было понять ни одного слова.

Я ехал на своем самосвале и уже собирался въехать на мост, но увидел на нем теленка. Задняя нога его застряла меж двух бревен, теленок лежит на брюхе, мычит, на том его борьба за жизнь и кончается. Я остановил машину и помог потерпевшему.

– Ну что ж ты, – сказал я Ивану, – губы-то распустил? Видишь, теленок провалился! Так ему и ногу недолго сломать.

– Пускай ломает, – дурачок беспечно махнул рукой. – Прирежем... Хлопцам на стане три дня мяса не давали. А меня не дразни. Гошке скажу.

И пошел, волоча по траве свой длинный бич, который здорово щелкает в умелых руках.

Я медленно въехал на мост и забуксовал как раз на том месте, где провалился теленок. Я давил на газ, колеса крутились, еще больше раздвигая бревна, но машина не двигалась с места. Увидев это, Иван вернулся.

– Ну что? – спросил он, подходя, и хлопнул бичом.

– «Что, что», – передразнил я его. – Видишь, забуксовал.

– Ну давай тогда тебя прирежем. На шашлык.

– Брось ты эти шутки, – сказал я ему. – Ты лучше возьми мою телогрейку, вот так сложи вдвое, чтоб изнутри не запачкалась, и подложи под колесо.

Я благополучно переехал через мост и остановился. Иван подал мне мою телогрейку. Она была совсем чистая, а у него на правом боку через рукав шел грязный рубчатый след от ската.

– Ты сам, что ли, ложился под колесо? – спросил я.

– Нет, свою телогрейку подложил, а то твоя новая – жалко.

Выехав на грейдерную дорогу, ведущую на Кадыр, я в третий раз остановил машину и подошел к желтому дорожному щиту, на котором прямыми крупными буквами было написано только одно слово:

«ПОПОВКА».

Много людей ездит мимо этого щита и видит то, что на нем написано. Но разве запомнишь название каждой деревни?

А я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других.

Вот об этих людях я и написал свою повесть.

1

Кусты ивняка стояли над суженным руслом Ишима. Санька и Лизка нагрузили глиной высокий самосвал Павла Спиридонова, прозванного Павло-баптист, и Павло, надвинув кожаную фуражку по самые уши, уехал. Подруги, бросив лопаты, легли отдохнуть. Лизка сняла с себя выгоревшую кофточку, и тень от листьев пятнами упала на ее загорелую спину.

– Не умеешь ты, Санька, работать, – сказала Лизка. – Лопату криво держишь, и все у тебя высыпается.

В кустах жужжали шмели и трещали кузнечики. Наискосок через небо почти невидимый самолет тянул извилистый волокнистый след. Лизка перевернулась на спину и посмотрела на небо.

– Смотри, самолет летит и дым пускает. Как все равно облако, – сказала она.

– А это облако и есть. Самолет сам его делает.

– Как это он делает? – недоверчиво спросила Лизка.

– Не знаю как, а знаю, что делает. Инверсией это называется.

– Ишь ты – инверсия, – почтительно повторила Лизка незнакомое слово. – Инверсия.

А ты откуда знаешь?

– Так, знаю. Летчик один знакомый рассказывал.

– Летчик? У тебя есть знакомые летчики?

– Были.

Лизка немного помолчала, потом пошутила:

– Вот видишь, жила ты в городе, летчиков знакомых имела. А то ведь в Поповке их нету. Здесь какой ни то комбайнер, и тот уже нос дерет – не подступишься. Поживешь-поживешь да и выйдешь за Ивана-дурачка.

Санька, ничего не ответив, лежала, смотрела на небо и старалась ни о чем не думать. Ни вставать, ни тем более работать не хотелось.

– Слушала я вчера, как ты пела в клубе, – сказала Лизка. – Хорошо у тебя получается. Прямо как у артистки. «Парней так много холостых...» – начала было Лизка, но одумалась. – Это ты тоже в своем городе научилась?

– Тоже.

– Все в городе, – вздохнула Лизка. – Летчики в городе, артисты в городе. А у нас... – Лизка поднялась на локте и посмотрела на дорогу. – Ой, никак Гошка едет! – сказала она радостно.

– Гошка?

– Ага, – Лизка торопливо застегивала кофточку.

– Ну что, мне опять идти цветочки собирать? – Санька поднялась и вытянула в стороны онемевшие руки.

– Сходи, Саня, – попросила Лизка. – Последний раз сходи. Сегодня что ни то да будет. Сегодня я у него добьюсь ответа.

– Что ж делать, – сказала Санька и пошла, раздвигая кусты, к Ишиму.

Гошка затормозил у самого обрыва и стал медленно подавать машину назад.

– Ну что, работать будем? – спросил он, стоя на подножке и глядя на Лизку через кузов.

– Будем, – сказала Лизка, – немного погода.

– Погода некогда, Лиза, там строители ругаются.

– Поругаются на пять минут больше. Санька утомилась, пошла умыться.

Гошка был в майке. Солдатская гимнастерка, придавленная учебником литературы, лежала рядом на сиденье. Лизка, влезая в кабину, отодвинула все это в сторону и сказала:

– Ты чего это костяной подворотничок носишь? От него шея портится. Надо тряпочный носить...

– Стирать его да подшивать, – сказал Гошка. – Некогда.

– Хорошо женатому, – вздохнула Лизка сочувствующе. – Жена и подошьет, и постирает, и вон дырку на рукаве залатала бы.

– Чего там латать? Выбрасывать пора.

– Чего ж не выбросишь? – насмешливо покосилась Лизка.

– А вот до плеча разорвется – выброшу.

Замолчали. Гошке хотелось спать, глаза слипались – не до разговоров. Сегодня в шесть утра он приехал из Актабара, а в восемь прискакал на лошади бригадир Сорока, заставил ехать за глиной. Лизка взяла в руки учебник, развернула посередине, долго смотрела, не читая, и снова положила на место.

– Учишься?

– А? – Гошка с трудом разомкнул веки.

– Учишься, говорю?

– Учусь.

– И долго тебе еще учиться?

– Не знаю, Лиза. Вот экзамен сдам, а там видно будет.

– В техникум пойдешь?

– Не знаю.

– Я летошний год тоже училась, – помолчав, сказала Лизка. – На кройки и шитья. Экзамены тоже сдавала. У меня и диплом есть.

Гошка не ответил.

– Я и вышивать умею. Что гладью, что крестом... Вот Мишка-тракторист увидел мои вышивки. «Кабы я не был женат, говорит, Лизка, на тебе б женился. А то, говорит, у меня не жена, а одно название. Так только, сготовить чего или постирать, а чего ни то сшить или вышить не может. Вот, говорит, коврик на стенку или подзор на кровать – все, говорит, купленное, за все денежки плачены». Ты б себе какую жену взял, а?

– Не знаю, Лиза. Какая попадется, – устало пошутил Гошка.

– Небось тоже хочешь покрасивше да ученую, – грустно сказала Лизка. – Вон как у Васьки. Ученая, учительшей работает, а некультурная. Придет с работы: «Я, говорит, устала, ты, говорит, должен за мной ухаживать». А чего она там устала? Чай, не кирпичи таскает. А когда Васька на курсы ездил, письмо ей пришлет, а она красный карандашик в руки, ошибки отметит и назад посылает.

Гошка открыл дверцу:

– Пойдем, Лиза, пока вдвоем поработаем.

– Еще посидим, – нерешительно попросила Лизка.

– Нет, нет. Некогда. Там строители небось рвут и мечут.

Он вытащил из-за кабины лопату с короткой кривой ручкой и пошел к заднему борту. Лизка неохотно пошла следом.

– Гоша, а ты вчера на собрании был? – спросила она, становясь рядом.

– Нет, я в Актабар ездил.

Лизка оперлась на лопату и сказала, как о большом секрете:

– Председатель выступал. Пятница. Говорил: «Как построим дома, женатым по полдома дадим, а у кого двое детей, так тому, говорит, и по цельному».

– Ладно, Лиза. Это нас с тобой не касается.

«Как бы ты схотел, так касалось бы», – печально подумала Лизка и со вздохом швырнула в кузов первую лопату. Работали молча. Подошла Санька, встала рядом с Лизкой и посмотрела ей в глаза. Лизка отвернулась, и Санька все поняла.

- Ну что? – спросила она, когда Гошка уехал. – Опять ничего не вышло?
- Нет, – Лизка отшвырнула лопату. – Не вышло.
- Ну а что ты ему говорила? Опять на полдома намекала?
- Намекала, – призналась Лизка.
- Ах, Лизка, Лизка! Кто ж так делает? Разве такого парня заманишь этим?
- А чем же его замануть?
- Не знаю, – вздохнула Санька. – А если б знала, так не сказала бы.
- Это почему?
- Самой пригодилось бы, – тихо сказала Санька.

Лиза испуганно посмотрела в глаза подруге.

Санька отвернулась. Она долго смотрела в сторону Поповки, туда, где скрылась Гошкина машина, и не сразу услышала тихие всхлипывания.

- Ты что, Лизка? – кинулась она к подруге.

Лизка уткнулась мокрым лицом в траву и ничего не ответила. Санька легла рядом.

– Ну что ты, Лиза? У меня ведь тоже ничего не получается. Ты хоть ему говоришь. А я и этого не умею.

Лизка села, утерлась подолом и, все еще всхлипывая, улыбнулась широкой улыбкой:

– Помнишь, Саня, я тебе рассказывала, сколько у меня парней было? Так все это неправда. Только один парнишка был, Аркашка Марочкин, Тихоновны сын. Билеты в кино покупал. А потом на службу ушел. Так с тех пор никого и не было.

Лиза замолчала и, сорвав желтый цветок одуванчика, стала рассеянно обрывать мягкие лепестки.

- Ну и что, ты уже забыла Аркашу? – тихо спросила Санька.

– Я-то не забыла, он забыл. Как первый месяц служил, одно письмо прислал – и все. Я ему еще штук шесть посылала, а от него ни ответа, ни привета. Да чего говорить! Им, мужикам, лишь бы обмануть, а наш брат – баба – всегда страдает.

- А может, у него времени нет письма писать? Может, с ним что случилось?

– Нет, – сказала Лизка и молоком, выступившим на обрыве стебелька, стала писать на руке слово «Аркадий». – Матери-то он пишет. Вчера иду мимо, а Тихоновна: «Зайди, говорит, на момент. Чего покажу». Фотокарточки показывала. Аркашка прислал. На танке сфотографированный, на котором ездит.

2

В этом году колхоз заложил двадцать два дома для переселенцев и молодоженов. На стенах некоторых домов уже лежали пожелтевшие от солнца стропила, для других домов еще только заложили фундамент.

На строительной площадке никто не работал. Возле четвертого справа дома стояла голубая «Волга» председателя колхоза Петра Ермолаевича Пятницы. Восемнадцать строителей (в Поповке их называли «шабашники») окружили председателя и слушали своего бригадира Потапова, высокого и худого мужика с усиками.

Гошка поставил машину возле растворного корыта и крикнул строителям, чтобы шли разгружать. Никто не отозвался. Только рыжий и рыхлый, похожий на женщину каменщик Валентин, не оборачиваясь, махнул рукой – подождешь. Гошке тоже нужен был председатель, и он вылез из кабины.

Полукруглая желтая тень от широкополой соломенной шляпы падала на лицо председателя. На парусиновом пиджаке темнел потускневший и облупившийся за долгие годы орден Красного Знамени. Этот орден эскадронному командиру Пятнице вручил в 1921 году Буденный.

Председатель колхоза Пятница, прикрывая время от времени старческие веки, слушал бригадира Потапова. Голос у Потапова был глухой и ровный.

– Наше условие, Ермолаевич, простое, – говорил он. – Сто рублей в день на рыло – или порвем договор. Нам работа везде найдется.

– Не смею задерживать, – сказал председатель.

– Ты это, Ермолаевич, брось. Мы с тобой обое старые и лысые, и притворяться нам нечего. Тебе нужны дома, нам – деньги, друг без дружки нам не обойтись.

– Попался б ты мне лет сорок назад, Потапов, – задумчиво сказал председатель, – развалил бы я тебя шашкой на две половинки.

– Не развалил бы. Я костистый. Ты лучше скажи, будем перезаключать договор или ругаться будем?

– Ладно, отстань, – сказал Пятница. – Скажи лучше своим, пусть работают, а то за такую работу я вам и по десятке не заплачу. А насчет нашего разговора подумаю.

– А когда ответ дашь?

– Завтра.

Строители не спеша разбрелись по своим местам.

Двое с лопатами через плечо пошли разгружать Гошкину машину. Петр Ермолаевич повернулся к Гошке:

– Ну, как дела, Яровой? Что это ты такой сонный ходишь?

– А чего ж мне не сонным ходить? – сказал Гошка. – Два часа всего спал.

– Тяжело, – согласился председатель. – Всем сейчас тяжело. Время такое. Зато осенью премии будем давать – тебе первому.

– Вы бы мне лучше отпуск дали.

– Зачем тебе отпуск?

– А вот, – Гошка вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку.

В этой бумажке было написано, что выпускник десятого класса районной заочной школы Яровой Г. И. имеет право на отпуск за счет государства на время выпускных экзаменов.

Председатель перечитал бумажку два раза.

– Не могу, – сказал он, возвращая бумажку.

– Как это вы не можете? – возмутился Гошка. – Мне по закону положено.

– Какой тут, милая моя, закон, – вздохнул председатель. – Мне вот каждый день звонят из района: «Почему задерживаешь строительство? Почему опаздываешь с посевной?» А я что им скажу? Скажу, что я всех шоферов в отпуск отправил? Так, по-твоему?

– Но мне же...

– Что – тебе же? Экзамены надо сдавать? Знаю. А как на войне? Я в Отечественной, конечно, не участвовал, а вот в Гражданскую у нас знаешь как было?

– Знаю, – сказал Гошка, – вы по трое суток с коней не слезали.

– Откуда ты знаешь? – удивился председатель.

– Это вы мне десять раз рассказывали. – Гошка огорченно махнул рукой и пошел к своему «ЗИЛу».

3

Возле облитой маслом кирпичной стенки стояли машины. Из-под крайнего слева самосвала торчали ноги в легких парусиновых сапогах.

– Толька, убери ноги! Оттопчу! – крикнул Гошка, ставя машину к стене.

Из-под машины с тавотницей в руках вылез лохматый шофер в синем комбинезоне. Из бокового кармана достал измятую пачку «Беломора».

– Дай прикурить, – сказал он.

Гошка приехал в Поповку два года назад, после демобилизации. Анатолий приехал в пятьдесят четвертом году, после десятилетки: он считался среди новоселов почти старожилом. Гошка и Анатолий были друзьями, но в последнее время встречались редко.

– Пойдем, что ли? – спросил Гошка, закрывая машину.

– Пойдем.

По дороге домой Гошка рассказал Анатолию о своем разговоре с председателем.

– Какой ты дурак, – разозлился Анатолий. – На тебе скоро воду будут возить. Подумаешь, у него шоферов нет! А тебе какое дело? Тебе государство отпуск дает. А оно больше знает, нужен ты или не нужен. Ты же завалишь экзамены.

– Не завалю.

– А я тебе говорю – завалишь. С таким дураком даже разговаривать не хочется. Отойди от меня. Вот так.

Некоторое время они шли молча. Гошка долго сдерживался и наконец хмыкнул в кулак. Анатолий тоже засмеялся.

– Когда у тебя сочинение? – спросил он, перестав смеяться.

– Через три дня.

– А шпаргалки у тебя есть?

– Нет. Я думаю без шпаргалок.

– Чудак ты, Гошка. Кто же сочинения без шпаргалок пишет? Ты когда-нибудь такого видал?

– Нет, – сказал Гошка.

– Я тоже.

– Ну а первый все-таки кто-то писал сочинения сам?

– Первый! А кто был первый человек на земле, ты знаешь? Адам! Вот, может, он первый и писал сочинения, а все, кто потом жил, сдували. И ты сдувай. Это надежней. Так все делают. А насчет устного экзамена я тебе вот что скажу. Самое главное – это уметь отличать положительного героя от отрицательного.

– А как же их отличать?

– Это очень просто. Вот ты, например, отрицательный. Ты, правда, не пьешь, не ворует, не делаешь фальшивые деньги, но дураки – они тоже отрицательные.

– А ты положительный?

– Я положительный.

– Из чего это видно?

– А вот считай! – Анатолий стал загибать пальцы. – Комсомолец не хуже тебя. После окончания средней школы откликнулся на призыв. Добровольно поехал осваивать целинные земли. Имею Почетную грамоту и медаль за освоение. Ну что? Съел?

– Ну а еще что?

– Куда больше? Хватит.

– А вот Яковлевна говорит, что ты, когда в хатуходишь, ноги не вытираешь.

– Насчет ног – это верно, – признался Анатолий, – но зато... зато я приехал сюда после десятилетки. У меня не было жизненного опыта. Я уже шесть лет на целине.

– Много, – сказал Гошка. – А Яковлевна вон шестьдесят лет живет на целине – и ни одной медали. И вообще, – Гошка, сам не замечая, перешел на серьезный тон, – вот сейчас все говорят о десятиклассниках: им семнадцать лет, у них нет опыта, у них трудности. А когда я начинал работать, мне было двенадцать лет. У меня не было ни опыта, ни десяти классов. Почему же обо мне тогда ничего не говорили?

– Наверное, такое время было, – тоже переходя на серьезный тон, сказал Анатолий. – Не до тебя было.

– И тогда было не до меня, и сейчас не до меня.

– Да, – сказал Анатолий неопределенно и махнул рукой. – Ну, мне сюда. Пока.

4

В день экзамена Гошку все-таки освободили от работы. До города по грейдеру было двадцать два километра. Гошка долго ждал попутной машины, в школу приехал за пятнадцать минут до начала. Все заочники уже собрались. Они сидели на скамейках, на крыльце, просто на траве перед школой. Одни лихорадочно листали учебники, другие сортировали шпаргалки, третьи ожидали своей участи пассивно. Сутуловатый парень с пышной прической и металлическими зубами тасовал в руках пачку фотографий-шпаргалок.

– Навались, подешевело! Полный комплект сочинений за один червонец.

Парень был местным фотографом. Сегодня его продукция пользовалась небывалым спросом. Гошка тоже решил запастись новинками фотоискусства. На всякий случай. Он вынул деньги.

– Дай.

– Все, – сказал фотограф, – пива нет, ресторан закрыт. Осталась одна пачка – самому пригодится. Я тоже сдаю.

Вышел толстый учитель в чесучовом пиджаке и неожиданно тонким голосом сказал:

– Заходите.

Все пошли. В коридоре фотограф догнал Гошку и тронул его за рукав:

– Четвертной дашь?

Раздумывать было некогда, Гошка сунул ему двадцатипятирублевку. Рассаживались долго. Взрослые люди с трудом помещались за детскими партами. Гошка сел за третью парту. Фотограф сел рядом.

– Вдруг чего, дашь мне сочинение, – сказал он.

Гошка не ответил. Ученики замороженными глазами следили за учителем, пухлые пальцы которого слишком медленно разрывали пакет. Но вот он написал на доске первую тему, и Гошка облегченно вздохнул. «Молодая гвардия». Эту книгу Гошка знал хорошо.

Всего было четыре темы. Фотограф долго думал, на какой из них остановиться, и не остановился ни на одной.

– Слышь, дай мне Тургенева, – шепнул он Гошке.

– Полсотни, – сказал Гошка.

– Я ж тебе за двадцать пять.

– Подорожали.

Фотограф помолчал, подумал, но пятьдесят рублей пожалел. Он заглянул в Гошкину тетрадь.

– За два одинаковых сочинения оба автора получают по двойке, – глядя в потолок, сказал всевидящий учитель.

Гошка отодвинулся. Фотограф почесал в затылке и – делать нечего – взялся за сочинение. Некоторое время молча скрипел пером, потом ткнул Гошку в бок:

– Слышь, как пишется «патриот» – через два «т»?

– Пять рублей, – предложил Гошка.

– Шкура, – сказал фотограф и обиженно отвернулся.

В начале июня неожиданно приехал досрочно демобилизованный Аркаша Марочкин. Уезжал простым человеком, а вернулся ефрейтором. Привез Аркаша матери подарки: полшалак чисто шерстяной, отрез на платье и еще кое-чего по мелочи. Было чего рассказать. Когда выключили электричество, Тихоновна засветила керосиновую лампу, и долго еще желтели два окна в доме Марочкиных.

Утром Аркаша не торопясь умылся, позавтракал и, приведя себя в порядок, вышел на крыльцо.

Лизка, которая вот уже полтора часа ковыряла мизинцем трухлявую штaketину в Аркашиной калитке, кинулась к долгожданному:

– Аркаша!

И обомлела. На Аркаше все сверкает. Сапоги, пуговицы, бляха. На груди значков штук шесть. Все большие, как ордена, и тоже сверкают.

– Аркадий Алексеевич, – поправилась Лизка и отступила на два шага в сторону.

– Здорово! – Аркадий двумя пальцами расправил гимнастерку под ремнем и, выбросив вперед левую руку, долго смотрел на циферблат часов.

– Сколько время? – почтительно спросила Лизка и сама смутилась от нелепого своего вопроса.

– Полчаса десятого, – значительно ответил Аркаша и между прочим поинтересовался:

– Ну как жизнь?

– Ничего, спасибо.

– Замуж еще не вышла?

– Нет еще.

– Чего ж так?

– Куда спешить-то? – сказала Лизка, приблизилась и тревожно посмотрела в Аркашины глаза. – А ты... А ты не женился?

– У солдата в каждой деревне жена и в каждом доме теща, – сказал Аркаша и опять посмотрел на часы. Потом вынул из кармана сверкающий никелем портсигар, щелкнул крышкой, постучал по крышке мундштуком «Беломора».

– Опять в колхоз пойдешь или как? – робко спросила Лизка.

– Не знаю. Посмотрю, что председатель скажет. Найдется что подходящее – останусь. А нет, так... Меня теперь где хочешь примут. Механик-водитель. На любой завод без разговору. – И заторопился: – Ну ладно, пойду, чего тут зря разговаривать!

Лизка одним пальцем тронула наглаженный рубчик Аркашиного рукава:

– Вечером в клуб придешь?

– Не знаю. – Аркаша убрал локоть. – Чего там делать? – Но, поглядев ей в глаза, смягчился: – Может, и приду. Видно будет. – И пошел по тропке мимо соседских дворов, стройный, подтянутый.

Лизка тоже пошла было, но на крыльцо, гремя ведрами, вышла Тихоновна. Поздоровались. Тихоновна внимательно посмотрела на Лизку, спросила:

– Ждешь кого?

– Да нет... так просто стою.

– Аркашу видела?

– Видела. – Лизка пожала плечами: дескать, было б на что смотреть.

Тихоновна поставила ведра на землю.

– Ну и как?

– Да чего – как? Парень как парень. Две руки, две ноги – ничего особенного.

– Это как сказать – ничего особенного. На службе-то девки за им знаешь как бегали.

– Девки бегали? – насторожилась Лизка.

– И-их, милая, еще как бегали-то. – Тихоновна для чего-то наклонилась к самому Лизкиному уху и понизила голос: – Фотокарточек привез цельную пачку. Вот такую. И все девки. Мне уж больно одна там понравилась. Из себя такая видная, и родинка на этом месте, возле глаза. Симпатия. На фершалку учится.

– На фершалку?

– На фершалку, милая, на фершалку, – охотно подтвердила Тихоновна.

– Ну, я пойду, – неожиданно заторопилась Лизка. – До свидания вам.

– До свидания, милая. Заходи как-нибудь, – радушно предложила Тихоновна. «Когда нас дома не будет», – добавила она про себя. Ей не нравилась Лизка. Она считала, что сын ее достоин лучшей пары.

А Лизка шла, задевая пальцами штaketник, и не глядела под ноги. «Фершалка, – думала она, – подумаешь, фершалка».

5

До последнего экзамена оставалось шесть дней. Немецкий язык – предмет несерьезный, и про учительницу, которая вела его, ходили в школе добрые слухи. Говорили: если знаешь все буквы – тройку поставит. Алфавит Гошка мог прочесть без подготовки. Поэтому он решил отдохнуть и сходить в кино.

Все знали, что в клуб привезли фильм про шпионов. Поэтому задолго до начала все скамейки были заняты. Завклубом Илья Бородавка продавал билеты прямо у входа и сразу отрывал контроль.

Гошка увидел на одном подоконнике свободное место и пошел туда.

– Гоша, – услышал он Лизкин голос и обрадовался. Подумал: «Значит, и Санька здесь».

Но Саньки не было. Лизка сидела во втором ряду, рядом с ней – Аркадий Марочкин. Он уже снял с себя военную форму и сейчас сидел в похрустывающей кожанке и хромовых сапогах. Время от времени он небрежно выбрасывал вперед согнутую в кисти левую руку и смотрел на светящийся циферблат своих часов. Лизка была в шелковой косынке, в синей жакетке, с искусственной розой на груди.

– Садись, Гоша. – Она подвинулась к своему кавалеру и двумя пальцами подтянула подол праздничного платья. – В кино пришел? – спросила она и улыбнулась уголком рта, чтоб показать металлическую «фиксу», вставленную недавно. Лизка смотрела на Гошку, счастливо улыбалась, и глаза ее говорили: «Вот не хотел ты со мной, а я не хуже нашла».

«Где ж Санька?» – подумал Гошка и хотел спросить о ней у Лизки, но почему-то не решился и сказал:

– Что это ты зуб вставила?

– Болел, – сказала Лизка, и видно было, что врет, – купила за три рубля в Актабаре.

В первом ряду, прямо перед Гошкой, сидел завскладом Николай Тюлькин со всем своим семейством: женой Полиной, трехлетней дочкой Верочкой и тещей Макогонихой. Девочка вдруг расплакалась. Полина трясла ее на руках и успокаивала:

– Зараз зайцев покажут. Багато, багато зайцев побытых!

– А воны з рогамы? – спросила девочка, вытирая слезы.

– З рогамы, з рогамы.

Бабка Макогониха сидела рядом и не обращала на дочку и внучку никакого внимания.

Когда-то хорошая хозяйка и рукодельница, в последние годы Макогониха чувствовала себя все хуже и хуже. У нее часто кружилась голова, тряслись руки, а в ногах была такая слабость, что даже поболтать с соседками старуха выходила редко. Она жаловалась дочери на недомогание и удивлялась:

– Николы такого нэ було.

– Шо вы, мамо, удивляетэсь? Восемьдэсят годов вам тож николы нэ було.

В последнее время старуха почти ничего не помнила и не понимала. Полина давно уже отстранила ее от хозяйственных дел. Старуха отчасти потому, что не привыкла сидеть без работы, отчасти из чувства обиды и противоречия, хваталась за все, но ничем хорошим это никогда не кончалось.

Макогониха сидела рядом с дочерью и, недоверчиво поджав губы, смотрела на экран, как будто видела его впервые.

Лизка толкнула Гошку в бок и, имея в виду Макогониху, шепнула:

– Сейчас будет плакать.

И правда. Как только погас свет и на экране появились борцы, старуха завздохала:

– Боже ж мий, таки молоді. За що їх? – І, не отримавши ні від кого відповіді, вона заплакала від жалості до борців і плакала потім, коли після журналу люди з собаками півтора години гонялись за молодим шпיוном.

Лизка сиділа, скрестивши руки на грудях, і дивилася байдужо. Вона бачила фільм раніше і все знала наперед. Тому, коли в самому захоплюючому місці Марочкін вигукнув: «Вот, елки-моталки, опять ушел!», вона прижалася до нього:

– Не бойся, пимають.

– Тихше ти – «пимають», – сказав хто-то в задньому ряду.

Лизка испуганно съежилась и сильнее прижалась к своему кавалеру.

Тремтіння апарату. В клубі хто-то курив. Було димно і душно. На туманному екрані блукали шпיוни. Гошка закрив очі. Його розбудила Лизка. Вона протягнула йому горсть семечек:

– Будеш лускати?

– Що? – спитав Гошка, відкриваючи очі.

– Спиши, що ли?

– Ні, – сказав Гошка і знову задремав.

Після кіно всі розійшлися кучками. Поруч крильця цілою толпою стояли хлопці і, осліплюючи вихідців електричними фонариками, шукали своїх попутниць. Анатолій, який в час сеансу сидів у дверях, вийшов першим і почекав Гошку на вулиці. Вони пішли разом. Впереді них йшли Тюлькіни. Глава сім'ї йшов посередині, несучи на руках дівчинку.

– Ну як картина? – спитав Анатолій. – Понравилась?

– Понравилась, – відповів Гошка, зевая. – Спати добре.

– Ти що, спиав? Зря. А я люблю такі речі. Вот читав книжку «Охотники за шпионами». Не читав?

– Ні.

– Про контррозвідників. Інтересно. Ти хотів би стати контррозвідником?

– Раніше хотів, – сказав Гошка.

– А тепер що ж?

– Не знаю. Некогда думать об этом. Своей работы хватает. – Вони свернули на тропку і пішли по одному – Анатолій вперед, Гошка ззаду. Зліва трохи чути журчала річка, і вода, відбиваючи неяркі зірки, неясно мерцала крізь рідкий каміш. Було зовсім темно.

– Да, – сказав Анатолій, – ти Саньку не бачив?

– Ні. Не бачив.

– Коли картина почалась, вона прийшла в клуб, всі когось висматривала, а потім пішла.

6

Шесть дней, данных на подготовку к немецкому, прошли незаметно. К исходу шестого дня Гошка знал не больше, чем в первый день. Вечером, придя с работы, он сел у окна и раскрыл книгу.

За столом в ватных брюках и валенках сидел дядя Леша и набивал солью патроны для своего ружья. Иногда Гошка отрывался от учебника и смотрел, как старик сыплет в патрон щепотку серой, как весенний снег, соли и утрамбовывает ее желтым от самокруток пальцем.

Надвигались сумерки, но возле окна было еще довольно светло.

– Слышь, Гошка, – спросил хозяин, – у тебя ноги на погоду не крутит?

– Нет, – рассеянно ответил Гошка, – не крутит.

– А у меня крутит, – сказал дядя Леша и вздохнул. Ему очень хотелось поговорить с Гошкой, но Гошка, видимо, не был расположен к разговору. Дядя Леша почесал в затылке и снова принялся за свое дело.

С ведром в руках вошла Яковлевна.

– Так ты ще сыдышь! – возмутилась она, стаскивая у входа резиновые сапоги. – Я вже корову подоила, порося накормыла. Ой, Лешка, растащат у тэбэ склад, скажешь, шо я брэхала.

– Ладно тебе, – примирительно проворчал дядя Леша. – Иду.

Но пошел он не сразу. Сперва ссыпал патроны в парусиновый мешочек, потом перемотал портянки, надел тулуп и долго искал свою шапку. Наконец перекинул через плечо централку и пошел к дверям.

– Ну я пошел, – сказал он, остановившись.

Яковлевна промолчала. Гошка был занят и тоже промолчал.

– Ну я пошел, – повторил дядя Леша. И так как его никто не задерживал, он вздохнул и вышел на улицу.

Яковлевна вкрутила лампочку. Гошка пересел к столу.

В окно постучали. Гошка подумал, что это дядя Леша. Видно, забыл что-нибудь. Гошка выглянул в окно и увидел всадника. Это был бригадир первой бригады Сорока. На лошади он напоминал модель памятника Юрию Долгорукому, что украшала собой чернильный прибор председателя.

– Гошка! – Сорока откинул руку с нагайкой в сторону. – Гошка, гони до правления. Там тебя председатель ждет.

Он резко опустил руку. Лошадь испуганно шарахнулась и унесла его в сумерки.

На столбе перед конторой горела лампочка. Она освещала кусок двора и высокое крыльцо с покосившимися перилами. Возле крыльца на земле лежал старый дамский велосипед. По нему Гошка сразу определил, кто находится в конторе. Это был велосипед бригадира строителей Потапова. Велосипед был старый-старый, и, когда хозяин ехал на этой штуке, по всей Поповке был слышен скрип.

Восемнадцать строителей сидели в конторе вдоль стен. Восемнадцать папирос мерцали в полумгле. Дым, слоями развешанный в воздухе, колебался. Мутный свет лампочки едва проходил через эти слои. За широким столом, малозаметный в дыму, сидел председатель и вертел чернильницу, украшенную бронзовым Юрием Долгоруким, который напоминал бригадира Сороку.

Председатель недавно бросил курить. Он кривился и морщился, испытывая искушение, и, отставив чернильницу, отмахивался от дыма руками. Перед ним стоял Потапов и убеждал председателя в том, что лучшей бригады, чем та, что сидит в этой комнате, ему не

найти во всем районе и поэтому председателю нужно согласиться платить строителям по сто рублей на брата.

– Отстань, – сказал председатель устало. – Лучше отстань, Потапов. – И постучал пересохой чернильницей по пружинящей крышке стола.

Потапов покосился на чернильницу, но, не отступая, спросил:

– Значит, не дашь?

– Не дам, – решительно сказал Пятница.

– Не дашь?

– Не дам.

– Дай закуришь, – Потапов откинул в сторону руку.

Каменщик Валентин бросился к нему и с готовностью развернул портсигар. Некурящий Потапов закашлялся с непривычки и выпустил облако дыма в лицо председателю.

– Ладно, – сказал Потапов, покурив. – Последний раз спрашиваю: дашь или нет?

– Нет, – сказал председатель.

– Ладно. Тогда порвем договор. Завтра утром чтоб был полный расчет. Пошли, хлопцы. Строители ушли.

– Георгий, открой окно, – попросил председатель, а сам пошел открывать другое.

Свежий ветер качнул сероватые занавески. По ступенькам крыльца вразной стучали сапогами строители. Потом раздался режущий ухо скрип и визг. Это ехал на велосипеде Потапов.

– Сволочь, – тихо сказал председатель и повернулся к Гошке. – Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Не знаю, – сказал Гошка.

– Завтра в Актабар эшелон с лесом приходит. Все машины туда бросаем.

– Меня не бросайте. Не поеду.

– Почему ж это?

– У меня завтра экзамен. По немецкому.

– Ну и что? Нагрузишь там, это недолго... минут пятнадцать. Потом в школу поедешь.

Глаза у председателя были грустные и красноватые. Гошке вдруг почему-то стало его жаль, и он согласился:

– Ладно, поеду.

Утром, выезжая из гаража, он подобрал Анатолия. Машина Анатолия стояла в Актабаре на ремонте, и он ездил в город на попутных. Ехали молча. Анатолий насвистывал какую-то песенку. Гошка крутил баранку, вспоминая про себя правила спряжения глаголов.

Выехали за околицу. Высокое солнце било в глаза. Впереди показалось кладбище.

– Вот смотри, ходим тут, ездим, а потом все равно туда, – сказал Гошка.

– Боишься умирать? – спросил Анатолий.

– Боюсь.

– А чего бояться-то? Умрешь – не надо ни о чем заботиться, ни о чем думать. Немецкий учить не надо. Зачем жить хочешь?

– Не знаю, – сказал Гошка. – Наверно, из любопытства. Хочется знать, что завтра будет.

– Завтра дождь будет. Смотри, – Анатолий вытянул шею, – никак покойники.

При приближении машины с кладбища поднялся высокий и худой человек и, ведя в руках дамский велосипед, вышел на дорогу. Это был бригадир Потапов. А за ним потянулись к дороге остальные шабашники, каждый со своим инструментом, как оркестранты. Остановившись посреди дороги, Потапов поднял руку, словно приветствовал проходящие перед ним войска. Гошка остановился.

– До Тимашевки подвезешь? – спросил Потапов и поставил на ступеньку ногу в белом от пыли кирзовом сапоге.

– Уезжаете? – спросил Гошка.

– А чего ж делать? – Потапов тронул пальцем стриженные свои усы. – Председатель договор перезаключать не хочет, а нам что? Мы люди вольные, дефицитные, нас где хотя бы возьмут. А оно ведь, как говорится, рыба ищет где глубже... Каждый свой интерес понимает.

– Не повезу, – сказал Гошка, выжимая сцепление.

– Как – не повезешь? – Потапов одной рукой ухватился за дверцу. – Мы же не задаром. По тройку с брата заплотим. Трижды восемнадцать – пятьдесят четыре. Заработать не хочешь, что ль?

– погоди! – Анатолий выключил зажигание. – Давай по пятерке – повезем.

– Много больно, – замылся Потапов.

– Не хочешь, как хочешь. Поехали, Гошка.

– По четыре, – набавил рыжий и рыхлый каменщик Валентин. Он был в милицейских галифе и в белых тапочках.

– По четыре с половиной, – предложил Анатолий. – И то себе в убыток.

– Ну и дерешь, – возмутился Потапов.

– Каждый свой интерес понимает, – процитировал его Анатолий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.